

**ФРАНЦУЗСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ.
НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ****Из истории
интеллектуальных поисков****Новые принципы Классического разума***

Б. Паншар

Университет Лион-III имени Жана Мулена, Лион, Франция

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-7-17

Исследовательская статья

Аннотация

Классический разум слишком часто ассоциируется с покорением природы в Новое время и с наступлением века техники. Брюно Паншар показывает, что эта форма мысли является прежде всего источником свободы в том отношении, которое она пытается установить между верой и разумом. Классический разум держится на равной дистанции от могущества науки и от догматов веры. Он выступает по преимуществу как реализация чистой мысли. С целью ее раскрытия автор предлагает 12 тезисов, своего рода эссе, которые следовало бы развернуть, чтобы достичь их полного оправдания. Однако эти шаги направлены на достижение систематического единства, как всякая концептуальная конструкция классической мысли. Статья заканчивается приложением (Coda), говорящим о необходимости испросить у любви силы, чтобы завершить дело разума.

Ключевые слова: классический разум, механицизм, религия, вера, картезианская традиция, метафизика, рационализм, истинная идея, *Mathesis universalis*.

Паншар Брюно – французский писатель, доктор философии, профессор, декан факультета философии Университета Лион-III имени Жана Мулена.

pinchard.bruno@gmail.com

* Перевод выполнен по тексту, представляющему собой исправленную и дополненную версию статьи: *Pinchard B. Quelques principes de raison classique // L'Archicube. № 24, juin 2018. P. 156–164. – Paris: École Normale Supérieure.*

Перевод с французского:

Комиссарова Людмила Борисовна – кандидат философских наук, ответственный редактор журнала «Философские науки».

martin131@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6634-9588>

Цитирование: *Пиншар Б.* (2018) Новые принципы классического разума / пер. с франц. Л.Б. Комиссаровой // Философские науки. 2018. № 9. С. 7–17.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-7-17

New Principles of the Classical Reason*

B. Pinchard

Jean-Moulin-Lyon-III University, Lyon, France

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-7-17

Research paper

Summary

The classical Reason is too often linked with the conquest of Nature and with modern scientific and technological world. But Bruno Pinchard shows that this kind of philosophizing is a source of freedom in the relation that is *endeavored to be* established between Faith and Rationality. The classical Reason is equidistant from the might of science and the dogmas of faith. This Reason is an actualization of pure thought. In this perspective, the author declares 12 propositions that would need to be developed with historical proves to be fully justified. Meanwhile, these first steps have a systematic aim, like all the conceptual constructions of classical thought. The paper is concluded with a short “Coda” about the necessity of love to give strength to the reason to achieve ultimate goals of the latter.

Keywords: classical reason, mechanicism, religion, faith, Cartesian tradition, metaphysics, rationalism, true idea, Mathesis universalis.

Bruno Pinchard – French writer, D.Sc. in Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, Jean-Moulin-Lyon-III University, France.
pinchard.bruno@gmail.com

Translated from French by:

Liudmila Komissarova – Ph.D. in Philosophy, Responsible Editor of the *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*.

* The translation is made according to the text which is a revised and updated version of the article: Pinchard B. Quelques principes de raison classique. *L'Archicube*, n° 24, juin 2018, pp. 156–164. Paris: École Normale Supérieure.

martin131@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6634-9588>

Citation: Pinchard B. (2018) *New Principles of the Classical Reason* (L.B. Komissarova, Trans.). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 9, pp. 7–17.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-7-17

Несколько лет назад я попытался разъяснить свою позицию по отношению к идее рациональности [Pinchard 2015], которую, поскольку она исходит из бесконечного, нельзя смешивать с незначительными идеями, извлекаемыми из картезианского механицизма или из разоблачительной критики религии, данной Спинозой. Таково наследие Классического разума. Действительно, Классический разум – это разум в его полном объеме, разум, нацеленный на достоверность, на спор с верой, это способность мышления, столкнувшегося с математической трактовкой природы и общества, с теми кризисами целесообразности, которые мы высокопарно называем «кризисами смысла». Однако картезианская традиция, вопреки изобличениям, таким же несправедливым, как и оглушительным, остается единственным путем мышления для тех, кто сталкивается с прямыми следствиями, вытекающими из наблюдения за природой и духом. Слишком легко избавиться от обращения к некоторым абстракциям – разоблачение представления, конец метафизики, критика тоталитаризма, возврат патриархальной эры или этноцентризма. ... Давайте лучше научимся тому, как снова встать на путь метода, как проникать в тонкость формулировок великого классического рационализма, будем открытыми к силе предчувствия в этих великих текстах: они не навязывают нам господства техники, а лишь ограничиваются тем, что провозглашают идею человека, способного противостоять мощи техники, которую предвещал союз физики и математики, заключенный в Новое время. Не будем путать тех, кто предлагает изъять душу из сферы влияния биологического, с теми, кто подчиняет нас ему во имя непродуманного трансгуманизма. Классическое мышление дает шанс на примирение рассудка с современным детерминизмом. Разве оно не обещает свободу, не отвергая при этом причин? Оно дарует знание, не принуждая к завершенности, дает законы природе, не отказываясь от законов рассудка.

Теперь это означает говорить об очевидностях, даже повторять их, что всегда полезно. С другой стороны, существует поле

деятельности, которое еще нужно познать во всей его полноте, и оно больше, чем когда-либо, должно привлечь наше внимание. Классический разум – это разум, который пытался примирить новое знание с традиционной верой. Вопреки привычной искусности Декарта, он не удовлетворялся тем, что провозглашал право на философию, требуя при этом не выносить суждения о теологии. Такое уклонение от обстоятельств – не последнее слово в дискуссии, которая продолжает преследовать нас. Начиная с Мальбранша и Паскаля, Классический разум будет высказываться о религиозном откровении. И каким же будет это высказывание? Оно состоит в том, чтобы заново открыть все пути, которые ведут от веры к разуму. Существует разум веры, в наличии которого вера не может отказать философии. Схоласты обещали примирить разум и веру, однако у них было лишь понятие разума, полученное по наследству, им не хватало автономии разума. Однако автономии разума есть, что сказать вере. Ведь что обещает автономия разума, если не то, что у нас есть *истинная идея* и что мы можем развивать ее так, чтобы довести все мыслимое содержание до ее источника? Истинная идея – это и есть та врожденная сила духа, которая сопровождает все представимые высказывания, истинные или ложные, и ведет их к подтверждению перед единственной мыслью, прежде чем подумать о том, чтобы подчиниться всякому авторитету, из которого она проистекает.

Чтобы мы действительно называли ее «истинной идеей» (как Спиноза) или «естественным светом» (как Декарт), или «видением в Боге» (как Мальбранш), или, наконец, «сцеплением истин» (как Лейбниц), Классический разум сам предоставляет себе доступ к возможности реконструкции данного, того, что некоторые называют системой, но что мы должны сначала распознать в его глубинном источнике, – в свободе. Эта свобода есть могущество духа, и отступаться от ее творений значит отступаться от всякого овладения природой, как и историей.

Чтобы обрести в этом импульс, я попробовал писать так, как писали Лейбниц, Спиноза, Мальбранш – по абзацам, следуя исподволь сложившемуся замыслу. Я попытался наметить путь, проходящий через темы, повторяющиеся в структуре классического познания мира (раз уж это так называется), и попробовал высветить некоторые узловые точки, которые еще и сегодня могут требовать внимательного осмысления. Я разделил этот путь

на 12 этапов – хотя мог бы разделить его на три или на тысячу этапов. Надеюсь, каждый найдет в этом некоторое удовольствие, прежде всего удовольствие от порядка – как серия прелюдий для клавесина, которые предваряют будущие вариации: итак, 12 тезисов в форме *ричеркара*, задуманные как дань уважения к виртуозам виолы да гамба и органа того времени. Они могли бы – почему бы и нет? – предварять фуги времени грядущего. Они открываются по крайней мере одной форме дискуссии через Коду, которой они заканчиваются и которая предшествует некоторым возражениям – а они непременно будут сформулированы против такой мобилизации духа.

1. Франция (а речь идет именно о ней) принадлежит к тем странам, которые в долгу перед Классическим разумом. Она не может довольствоваться тем, чтобы пойти другим путем. В ее глубинной памяти живет некий духовный план, в котором находит себе место классическая идея, и он, безусловно, воспроизводится. Этот некогда сформулированный проект истины надо переформулировать по-французски, следуя первоначальному замыслу. Сегодня вся Европа ощутила себя призванной к сотрудничеству и не одна она ожидает разъяснений относительно предвзятости, которая день ото дня становится все более неопределенной, какие бы решения ни были бы приняты по многим вопросам существования современного человечества. Ведь вернуться на путь Классического разума – это значит проявить понимание того, что мир, и прежде всего Азия, смотрит на нас. Китай, о котором в свое время размышляли Мальбранш и Лейбниц, по-прежнему ждет признания за собой прав на это господствующее знание. Достаточно названия, чтобы дать возможность предугадать величие знаменитой «*Mathesis universalis*», всеобщей математики, которая, несомненно, пришла к нам от Архимеда, но ее пробудил Декарт, добавив к ней технические средства и рефлексивную силу, чего ей до сих пор не хватало. Нужно еще без ложной скромности прощупать «всеобщность», о которой она утверждает.

2. Эта всеобщая математика прежде всего покоится на идее знания, которая не сводится ни к силе науки, ни к потребности критики, ни к уравнивающему рассудку, ни даже к светскости или к битве свободной мысли. Констатации «кризиса европейских наук» здесь также не достаточно, особенно если она держится в рамках феноменальных форм и способа, каким они преподносятся. Следует умножить силы гуманизма и овладеть их субстанциаль-

ной ролью. Эта настоятельно утверждаемая субстанциальность зависит не только от требований принципа разума, она непосредственно вытекает из наследия – наследия Возрождения. По отношению к риторике, скептицизму, герметизму Возрождения Классический разум должен быть субстанциальным или не быть вообще. Субстанциальность демонстрирует свое значение как онтология Нового времени. Она – ожидаемый взлет схоластической философии субстанциальных форм, всколыхнувшейся благодаря возвращению Платона во Флоренцию. Она станет порывом платонического мышления, обретшего свое основание, что возвестит новое овладение природой.

3. Однако этот Классический разум нельзя просто отождествлять с рациональностью Просвещения. Он ведет свое происхождение от своего основателя, Рене Декарта, и здесь сразу же берут начало все его последующие сложности. Именно от Декарта он получит способность к систематизации, неистощимую проницательность, тонкость, умение возвещать будущее, никогда не теряя связи с предшествующими духовными традициями. Поэтому надо обратиться к Декарту. Но у кого есть на это силы? Мы удовлетворяемся тем, что поспешно критикуем его, не осознавая преимуществ, которые он *со своей стороны* нам дает, разве только мимолетно. Однако он говорит хорошо знакомым нам языком. Этот язык доступен нам, но труден, поскольку предписывает входить в противоречие с тем, что у людей есть самого дорогого: страсть, покорность, суеверие. Ясность, свобода, бесконечность здесь для того, чтобы поддержать содержащееся в них отречение. Тут-то и начинается рассказ, в котором содержатся пробелы и темные пятна. Для Европы и мира в целом их расшифровка – шанс на возрождение, и было бы непростительно упустить его.

4. В начале была математика, но она – лишь исходный момент в победе естественного света, у которого кроме полного контроля за движениями в пространстве есть и другие устремления. Как только был сформулирован критерий истины, родившийся вместе с математикой – знаменитые идеи, «ясные и отчетливые» – он был применен к абсолютно общим проблемам, таким как природа достоверности, ее основа, роль воли в актах понимания, познание существования мира. Объективность, которая появляется в результате этого, не сводится к научной объективности. Она утверждается как продуманная взаимосвязь действий мыслящего субъекта. И сразу же Классический разум становится

равнообъемным познающему самого себя духу, открывая полноту собственной мощи.

5. Ничто не могло остановить мышление, обладавшее средствами представлять мир сознанию. Оно сразу же стало единственным критерием того, что такое вещь. Оно действительно было им с тех пор, как возник неоспоримый опыт Я, известного как «вещь духовная», в то время как реальность материальная могла претендовать только на положение «вещи протяженной» в пространстве-времени. Такое сведение неисчислимого многообразия явлений к двойственности, к двум типам бытия, а самой этой двойственности – к единой точке зрения мыслящего субъекта, обладателя своих мыслей, – уникальный момент в человеческой истории. Это сугубо освободительное начинание уступает место начинаниям прагматическим, пытающимся избежать строгости исходных решений, что открыло для них безграничное поле опыта. Менее значительные рационалистические направления стремятся пойти дальше Классического разума. Это упрощение приобретенных прав – лишь дело времени. Рационализм, не признающий своих истоков, либо впадает в невежество, либо становится невыносимым.

6. Перед лицом направлений, характеризующихся частичной рациональностью, Классический разум отстаивает право называться *системой*, т.е. организующим принципом, требующим учитывать связь явлений в мире. Этот принцип связи не является ни только языком, ни только синтетической деятельностью субъекта, ни просто событием в истории бытия – это победа интегральных возможностей духа. Они простираются далеко за пределы наук о количестве. Они даже могут наращивать свою силу видимого развития некоторых сложных связей, живущих в глубинной памяти европейских религий. Для Классического разума религиозное будет иметь место *потому, что оно будет иметь его при свете разума*. Эта новая солидарность – вклад классического духа в историю верований. Отказаться от одного – значило бы отныне отказаться от другого. Вот почему утрата смысла Классического разума не означает ничего другого, как конец духа, понятого как всеобщая способность к формированию мира. Этот конец, разумеется, уже имеет место. Мы живем уже после наступившего конца. Но возможности сохраняются и после ослабления своего исторического и коллективного осуществления. Мы имеем дело с избытком этих возможностей и с той тенью, которую они от-

брасывают на мир, постоянно вводящий в заблуждение и с лихвой превосходящий себя собственными силами.

7. Это начинание также означает повторное столкновение духовной спонтанности с объективными законами творения. Здесь естественный свет, понятый как активизация самого широкого поля возможностей, входит в беспощадное соперничество с фетишистским функционированием материального производства. Классическая цель состоит в том, чтобы предложить соперничающим сторонам некоторую форму гармонии, которая сообщила бы способность мышления материи, а законы – духу. Следовать этой гармонии не значит *a priori* оправдывать мир как он есть – это значит искать общий горизонт для всех сил творения. Нужно, чтобы господство сил в конце концов привело к сближению в республике духа. Религии без устали раздают обещания, но им никак не удается отыскать параллельность этих непересекающихся моментов, так же, как и принцип их действительного примирения.

8. Классический разум упрекали в том, что он действует только в рамках дуальностей (мысль и пространство, душа и тело, природа и благодать, бог добрый и бог злой и т.д.). Но дело именно в том, что современный мир также впадает в дуализм и что для мысли, занятой современностью, нет другой задачи, как найти ключ к этим дуальностям и понять закон их строения. Со времен Декарта расколоть мысль надвое, чтобы вновь собрать ее по закону духа – задача преимущественно философии. Вот почему еще существует страж нетронутого пространства рассудка внутри разбушевавшихся сил разрушения.

9. Среди смертельно опасных дуализмов, порождаемых цивилизациями, есть исходный дуализм разума и веры. Именно здесь во всей полноте должна осуществляться власть, которой мы взыскуем – ведь Классический разум взывает к естественному свету не вопреки религиозному свету откровения. Он довольствуется тем, что обращается к религиям, приглашенным на новый пир экуменизма, с просьбой дать формулировку их догм, более доступную пониманию. При любых условиях он поддерживает согласие веры и знания и даже готов вести сложную игру: защищать веру не поддержкой ее основополагающих положений, а приводя в замешательство тех, кто на нее нападает.

10. Все это было бы самоочевидно, даже для тех, кто стоит на страже догмы, если бы, благодаря широте приведенных в действие духовных возможностей, система разума не имела в каче-

стве своего главного предназначения задачу *a priori* принимать решения в плане получения истин и тех способов, какими они должны быть поняты. Именно эта сила *a priori* внушает страх. Не будем искать другую причину для умножения эмпиризмов, скептицизмов, разных прибежищ понятия в языке, чувствах, знаках: мы хотим избежать власти *a priori*, разбухшей истинной идеей. В самом деле, Классический разум, который, по-видимому, дублирует требования религии, доходя до их строгости и до их заботы о целостности данного в Откровении, заканчивает тем, что целиком захватывает поле целей человека и переопределяет только отношение с Богом – разве он не преобразовал его сразу в отношении к абсолюту разума, бесконечная значимость которого благоприятствует свободному человеку перед лицом сомнений в вере? Но какая вера не пожелала бы такого соперника? Нельзя иначе обосновать щедрость духа.

11. Философия – это своего рода мифология, представленная разуму, которому для осуществления своих возможностей необходима полнота. Если философия не отличается бдительностью по меркам систематических представлений, если она не предполагает рациональную теодицею или рациональную «мифодицею», не только научные достижения человечества никогда не обретут своего значения перед лицом рефлексивного сознания как такового, но наука будет отдана во власть гностических теорий, настолько же глобальных, насколько частичны результаты, которыми она должна будет удовлетвориться. Теоретические науки, как и лабораторные практики больше не будут противостоять сущностным возможностям человеческого духа, а будут полностью зависеть от опыта, настолько же ненадежного, насколько дорогостоящего. Религии будут стремиться удержать знание выше закона, и нужно будет терпеть обскурантистскую власть, с которой подобным же образом будут сотрудничать какая-нибудь отдельная философия и бесконтрольный религиозный авторитет.

12. Эти последствия отказа от великого разума не замедлили проявить себя: романтизм, призванный к идентифицирующим возвеличиваниям; борьба за освобождение, обернувшаяся против народов; и, наконец, царство денег, неясное самому себе, даже в его религиозной предвзятости. Без сомнения, слишком поздно менять судьбу планеты в чем бы то ни было, но никогда не поздно пытаться говорить правду, пусть даже по-французски. В самом деле, задача, достойная философии – предлагать глобальное виде-

ние научной рациональности, карикатура на которую направляет производство и рынок. Еще не слишком поздно ни для истинного понимания происходящих процессов, ни для возрождения бдительности ради свободы перед лицом разгула материальности и давления рынка. Именно здесь Классический разум становится богатым преимуществами и незаменимым в центре всеобщего круговорота в борьбе с ним: он обезоруживает самые сильные порывы, но он никогда не останавливал наиболее анархистски настроенных мыслителей.

CODA

Эта литания из 12 пунктов действительно может вызвать два типа возражений: следуя Декарту, можно сказать, что естественный свет предписывается здесь как единственная система отсчета для любой идеи без достаточного признания *абсолютного* характера идеи бесконечности не только единственной гарантией наших истин, но и условием всякого света, как и всякой тьмы удела человека. Таким образом, значение Декарта не признают даже в тот момент, когда ссылаются на его имя.

Другое возражение состоит в том, чтобы поставить под вопрос существующую тенденцию переоценивать сверх меры возможности в подходе к бесконечности, как если бы эти возможности подчинялись представлению то, что может быть в бесконечности чрезмерного и говорящего о единственном истинном основателе. Замечу, что оба эти возражения говорят об одном и том же. И там, и здесь содержится упрек в предпочтении, отдаваемом абсолюту перед конечным, мощи понятия перед принятием трансценденции. Прежде всего признаем, что здесь речь идет о возвращении не к тому, что разделяет наших авторов, а к тому, что объединяет их в общем понимании устройства мира. Известно, что возможное было предложено Лейбницем как условие всякой теодицеи, тогда как оно было признано непригодным Спинозой во имя метафизической необходимости; что идеальность у Мальбранша никогда не была эквивалентом существования, что Паскаль не видит никакого умозрительного смысла в слове «быть» и т.д. Но эта разница в подходах не должна затушевывать единственный важный момент, который имеет значение: существует некий факт разума, этот факт разума может освободиться от всякого подтверждения – эмпирического, социального, даже критического; время верования придет довольно быстро, и достаточно, чтобы оно пришло

перед лицом разума, вооруженного всей своей отвагой, чтобы он не должен был участвовать в порабощении, которое отныне предчувствуется в прагматических мотивах, наполняющих науки как верования. Придет время, оно уже пришло, когда Спинозу будут считать *сумасшедшим*, после того, как его называли преступником. Разве в этом уже не сказывался дух времени, когда достаточно было выступить против Декарта, чтобы показать, что вы любите животных, и льстить себе тем, что имеете воображение? На всю эту перебранку у меня один ответ: боюсь, что все дело в отсутствии любви, и если Запад должен искать свои корни, ему бы следовало найти их в любви к философии, в любви к истине и, может быть, в любви к абсолюту, прежде чем пытаться обнаружить их в провалах мышления. Позвольте мне закончить словами Мальбранша, который, напоминая, предпочитал интеллект вере: «Поскольку ты часто бываешь хозяином своего внимания и поскольку внимание есть случайная причина света, очевидно, что ты можешь возбудить в себе любовь к некоторым объектам, не производя в своем сердце какого-то нового движения любви, но по-разному определяя любовь, такую же древнюю, как ты сам» (*Méditations chrétiennes et métaphysiques*. XV. § X).

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Malebranche N. (1684) *Méditations chrétiennes et métaphysiques*. XV. § X.
Pinchard B. (2015) *Écrits sur la raison classique*. Paris: Kimé.